

Молодой человек серьезного возраста

Сегодня Юлию Гусману исполняется 60 лет, и это уже возраст

Беседовала Ольга Шумяцкая

За подотчетный период он снимал фильмы в Баку, ставил спектакли в Америке, руководил Домом кино в Москве, а также работал врачом, депутатом Госдумы, вел передачи на телевидении и играл в КВН. Именно ему мы обязаны появлением русского аналога «Оскара» — «Ники». Накануне юбилея мы захотели узнать у Юлиа Соломоновича, как он собирается праздновать.

— Юлий Соломонович, вы понимаете, что интервью посвящено юбилею, поэтому...

— ...надо рассказать, какими успехами я встречаю эту торжественную дату. Давайте лучше поговорим о том, что я собираюсь делать после дня рождения. Есть два типа людей — шизоидного и маниакально-депрессивного типа. Шизоидный тип — это люди, углубленные в одно дело. Если играют на скрипочке, то играют всю жизнь, если пишут формулы, то, кроме этих формул, больше ничем не интересуются. Что называется, «он знал одной лишь думы страсть». А маниакально-депрессивные наоборот — берутся за разные дела, все им интересно, загораются, гаснут, снова впадают в эйфорию. Академический пример маниакально-депрессивного типа — Леонардо да Винчи.

— А наш юбилей?

— Наш юбилей классический маниакально-депрессивный тип. Казалось бы, пора утомиться и тихонько почивать если не на лаврах, то на диване, а у меня планов громадье. Во-первых, я запускаюсь с фильмом, который ждал 20 лет. Сценарий я написал вместе с нашим драматургом, ныне живущим в Лос-Анджелесе, Эдуардом Апоповым. Это будет комедийно-приключенско-притчево-фантастическая история. Сейчас мы завершаем последний вариант сценария, кстати, безумно смешного, оттачиваем каждую шутку, каждый сюжетный ход. Я не знаю, что в результате получится, не могу отвечать за талант и за успех, только за свою меру ответственности. Во всяком случае, я испытываю ощущение совершенно молодого человека, даже дебютанта.

— Ощущения дебютанта — это что, особое волнение, особый страх перед выходом на площадку?

— Это ощущение кайфа от того, чем ты занимаешься. А страх... я всю жизнь перед тем, как выступить с тостом у кого-то на дне рождения, дрожу как заяц. И почти все мои знакомые актеры — замечательные, признанные актеры — испытывают подобное чувство. Никогда не забуду, как я познакомился с Хазановым, который в ту пору был на пике своего успеха, стадионы стонали, когда он выходил на сцену. Так вот, на дне рождения Галины Борисовны Волчек ему надо было сказать спич, и он трясся так, будто должен был читать стихи перед приемной комиссией. А без этого ничего не получается. Это тоже мера ответственности. Кроме того, чуть раньше, чем фильм, я надеюсь, мне удастся сделать давно задуманную работу — в Театре армии поставить мюзикл «Человек из Ламанчи» с Владимиром Зельдиным. Ему скоро 90 лет, и при этом он чувствует себя замечательно, поет, двигается, как человек, ну, может быть, чуть моложе меня. Это не только физическое здоровье и ясность ума, но и великодушная доброта, это и есть Дон Кихот российского театра. Я с огромным уважением отношусь к новой волне увлечения мюзиклами, хотя боюсь, что как все, замешенное не на любви, а на моде, это увлечение скоро пройдет. Огорчает одно — нынешние молодые забывают о том, что еще в 70-е годы у нас были и Марк Розовский, и Юрий Ряшенцев, и Алексей Рыбников, и Марк Захаров, которые делали замечательные отечественные мюзиклы. Поэтому говорить сегодня, что «Норд-Ост» или «Нотр-Дам» — первые, не совсем удобно. Я сам в конце 80-х годов в Далласе ставил «Дракона» Евгения Шварца. Мне кажется, что вообще главный недостаток нынешних мюзиклов — это неясность послания, когда за постановочными эффектами, красками, трюками, костюмами теряется главная идея — что хотел сказать режиссер и зачем надо было переносить все это на нашу почву? Так вот, Дон Кихот, который поет арию «Я иду, даже если не вижу пути и не знаю, куда приду. Я иду, ибо кто-нибудь должен идти за всех и себе на беду», сегодня самый нужный герой. Вы знаете, несколько лет назад, когда мне делали операцию, я на операционном столе перед наркозом пел эту

Гусман до сих пор представляется Юликом

арию про себя. Мы эту работу делаем вовсе не для того, чтобы попасть в Книгу рекордов Гиннесса...

— ...с самым немолодым Дон Кихотом?

— Скажем так, с самым опытным, талантливым и душевным. Что же касается Владимира Михайловича, то он действительно абсолютно молодой человек.

— А дружба ваша с телевидением продолжается? В следующем сезоне мы увидим Гусмана на экране?

— Планы есть, и планы серьезные, и для телевидения, и для радио. Однако телевидение — это такая корпоративная среда, из которой очень легко выпасть и в которую очень трудно потом попасть. Если человек в течение нескольких лет вел одно из самых рейтинговых ток-шоу, ему будет не очень удобно появляться в какой-нибудь ерунде только ради того, чтобы узнавали на улице и уступали место в очереди. Однажды я рассказал одному своему приятелю, который занимает большой пост на телевидении, несколько идей, которые мне бы хотелось осуществить. Он сказал: «Идеи замечательные, да у нас у самих идей уйма, денег только нет». Тем более сейчас, когда шагреновая кожа телевидения сжимается: без работы сидят опытные телевизионщики, талантливые люди — все стало значительно труднее. Для меня же это вопрос не поиска работы, а радости дела.

— Юлий Соломонович, а как разрешается ваша тяжба с руководством Союза кинематографистов по поводу Дома кино?

— Разрешается, естественно, в нашу пользу, но подарком к юбилею это служить не может, потому что самое тяжелое мое разочарование состоит в разочаровании кинематографическим сообществом, которое допускает отношение к себе, как к шестеркам. Но мне не хочется сегодня говорить на эту тему, лучше говорить о вкусном и сладком.

— Хорошо, давайте о вкусном и сладком. Как планируете справлять юбилей?

— Ну, как справлять... Лето. Народ разъехался от Мытищ до Монте-Карло. Обычно я всегда откладывал дни рождения, праздновал 8 сентября, 8 октября, а то и вовсе не праздновал. Но откладывать юбилей как-то глупо. Все эти празднества приобрели сейчас характер эпидемии, и получают часто на один манер. Если бы я работал в Доме кино, то сделал бы семейное шоу, а специально снимать зал, приглашать звезд — это, наверное, больше подходит для актеров. Поэтому мы с одним моим еще бакинским другом Азаром Агаларовым, очень крупным предпринимателем, придумали сделать день рождения в «Крокус-сити Молле». Я там был несколько раз — это огромное здание, где можно обыграть территорию, построить эстраду, сделать небольшое представление. Я никогда не стремился к помпезности — сейчас за деньги

можно организовать и вертолет, который будет разбрасывать розы, и фейерверк. Как всегда, от юбилея все держат в секрете. Но мне хотелось, чтобы было просто и мило — для друзей. Когда я был молодым человеком, мне казались ужасно банальными все эти юбилейные слова, стишки, песенки о том, что твои года — твое богатство. А оказалось — правда. Оказалось, что душа человеческая не стареет, даже если не слышит ухо и хромает нога.

— Вы сегодня на сколько себя ощущаете?

— Сейчас резко постарел. Большую часть жизни ощущал себя девятиклассником. Потом очень долго на 28, а вот сейчас из-за того, что хромаю, где-то на 42–44. До 60 никак не доберусь. Иногда делаю глупости, как четырнадцатилетний. Мне рассказывали, что Павел Антокольский в 70 лет, представляясь, говорил: «Паша!». Так вот, я по сей день представляюсь Юликом и встаю, когда в комнату заходит 40-летний человек. Со страхом думаю о том, что когда-нибудь мне скажут: «Дедушка, садитесь!».

— А многие лета — это многие печали?

— Ну, жизнь так устроена, что печали могут ждать за углом в любом возрасте.

— У Дэвида Линча в «Дороге» героя — он был совсем глубоким стариком — спрашивали: «Что самое страшное в старости?». Он отвечал: «Мысли о молодости». Вам такие вопросы задавать рано и все-таки — вы как вспоминаете свою молодость?

— Я очень скучаю по родителям и близким, которые уже ушли. Но если думать об этом постоянно, то жизнь бы уже остановилась и мы бы все вымерли. Я предпочитаю думать о том, что человек, пусть он не может избежать своих бед и страданий, должен идти вперед и что жизнь — это не просто какая-то биологическая масса на поверхности планеты, и ты в этом миллиарде световых лет живешь всего 60–70, а мир Бога, опыта, разума и души.

— Из того, о чем вы мечтали в молодости, что состоялось, а что нет?

— Мне ужасно обидно, что я ни разу в жизни не съехал с гор на лыжах, не освоил гоночные коньки.

— Какие-то у вас исключительно спортивные сожаления.

— Ну, надо быть кренином, чтобы говорить: я мечтал стать космонавтом или получить приз в Канне. Приз — это, конечно, хорошо. Но для этого надо быть в кинематографе Бергманом, Феллини или Тарковским. Если это не так, то грош цена всем призам. Мне грех жаловаться. Конечно, и меня не обошли проблемы, интриги и неприятности, но с настоящей несправедливостью я столкнулся один раз. Один раз за 60 лет — неплохой результат. И всю жизнь делал то, что нравится.